

средств по 1 000 руб. (капитал находился на хранении в процентных бумагах). В виду изложенного и принимая во внимание, что необходимость открытия гимназии в г. Несвиже признавалась и ВУО, Алексей Федорович находил указанное ходатайство НГОУ заслуживающим уважения, на условиях применения к гимназии, в случае ее учреждения, ограничительных норм, установленных для приема детей иудейского вероисповедания [1, л. 32-32 об.].

Во исполнение предложения министра народного просвещения Л. А. Кассо от 2 июля 1914 г. за № 33417, учебные занятия в разрешенной к открытию Несвижской мужской гимназии начались 23 августа 1914 г. Гимназия была открыта в составе 1 и 2 классов, в которых обучалось 58 учеников, а именно: в 1 классе – 38 и во 2 классе – 20 учеников. Принятые в гимназию ученики распределялись по вероисповеданиям 32 православного, 26 р.-к., 10 иудейского, по сословиям 19 дворян, 19 мещан, 9 крестьян, 2 духовного звания, 9 детей чиновников. [1, л. 44-44 об.].

Таким образом, процесс показывает не просто административную волокиту, а выверенную систему, где финансовая обеспеченность и контроль над содержанием были приоритетами государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дело об открытии в городе Несвиже Минской губернии мужской гимназии (17 ноября 1910 г. – 8 декабря 1914 г.) // РГИА. – Фонд 733. – Оп. 167. – Д. 1023. – 47 л.

УДК 81'373.21

ТОПОНИМЫ ОТАПЕЛЛЯТИВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ЛЕТОПИСЯХ

Голубович О. П.

УО «Гродненский государственный аграрный университет»
г. Гродно, Республика Беларусь

Аннотация. В статье представлены результаты исследования топонимического материала из белорусско-литовских летописей на примере названий российских городов.

Summary. The article presents the toponymic studies results of Belarusian and Lithuanian chronicles using the examples of Russian cities names.

Ключевые слова: летописи, топоним, ойконим, апеллятив, топооснова.

Key words: chronicles, toponym, oiconym, common noun, toponymic stem.

Источниковой основой данного исследования послужили тексты памятников белорусско-литовского летописания, опубликованные в 1975-1980 гг. [5, 6]. Предметом анализа стали топонимы, которые расположены на территории современной Российской Федерации.

Те, кто придает первостепенное значение наличию в топонимах формантов, склонны считать топоним *Кострома* финно-угорским по происхождению, принимая во внимание формант *-ма*. Сторонники славянского происхождения названия города указывают на наличие апеллятивов *костра* «луб, волокно», *кострома* «прутья, солома, сорные травы», «розги, пук прутьев, батоги» [4, с. 208-209].

В русской мифологии *Кострома* олицетворяла плодородие и весну. В обряде «проводов весны» *Костромой* называли молодую женщину, центральную фигуру обрядового действия, на заключительном этапе которого при совершении ритуальных похорон *Костромы* ее именем называлось соломенное чучело, соломенная кукла. В украинской мифологии *Костроме* соответствует *Кострубонька* – чучело мужчины, олицетворение плодородия. Название *Кострома* можно связать с русским апеллятивом *костерь*, *костеря*, *костра* «жесткая кора растений, годных для пряжи льна, конопля», с украинским апеллятивом *коструб* «неряха», *кострубатый* «косматый, лохматый». Также имя собственное *Кострома* выступает и как антропоним [3, с. 96-97].

Что касается ойконима *Путивль*, *Путимль*, *под Путивлем*, *до Путивля*, *от Путивля*, то попытки объяснить это название от основы антропонима **Путимль*, **Путивль*, краткой формы имен **Путимһръ*, *Путимысль* [4, с. 345; 104, с. 82] кажутся не совсем убедительными. Более вероятным представляется толкование тополема *Путивль*, *Путимль* от древнерусского «дорога, путь» → **путивыи*, **путимыи*, чему в современном русском языке соответствует путевой, непутевой [3, с. 144]. В Беларуси существует точное соответствие варианту *Путимль* в названии села *Путимель* (*Пуцімель*, вар. *Пуцімля*) [1, с. 313].

Ойконом *Ржову*, *ко то Ржове* (Ржова) также относится к отапеллятивным. Наиболее распространенным является объяснение этого названия от топоосновы *Ржав-*, частой в восточнославянской микрогидронимии [4, с. 352]. Существует несколько версий объяснения топонима *Ржова*, *Ржов*, исходя из слова *ржа*, которое в русском языке имеет ряд значений: 1) «ржавчина», «ржа в болоте, болотная ржавчина»; 2) «болезнь растений, особенно колосового хлеба, который покрывается рыже-бурой пылью»; 3) «рожь на корню, ржаная солома». Некоторые исследователи отмечают, что в третьем значении объединились две разные лексемы *ржа* и *рожь* и что наличие производных *ржище* и *ржевник* «ржаное поле, с которого убрали хлеб (жниво)» позволяют считать название *Ржева* формой прилагательного от древнерусского *ръжь* «рожь», «ржаное поле», а изначально считают тополексу **Ръж-ева* [3, с. 147].

Попытки истолкования топоосновы, от которой образован ойконом *в Смоленску*, *з Смоленска*, *до Смоленска*, *к Смолһннску*, *в Смоленсьцѣ*, *у Смоленьска*, *к Смоленьску*, *в Смоленьску*, довольно различны. Наиболее

вероятной представляется попытка связать название города со славянским апеллятивом *смола*, *смоль*, древнерусским *смола*, украинским *смола*, белорусским *смоль*, сербохорватским *смола* и т.д. [8, с. 690]. Ономатооснова *Смол-* широко представлена в славянской топонимии, этнонимии и антропонимии. Особенно распространены топонимы от этой основы: болгарский *Смольско*, польский *Smolsko*, словацкий *Smolno* [7, с. 24], белорусские *Смолинец*, *Смольница*, *Смолица*, *Смоляница*, *Смольяны*, *Смолянка*, *Смоляны*, *Смоличи*, *Смольки*, *Смольники*, *Смоленики*, *Смольяницы* [1, с. 353]. Обнаружены и микроотпонимы с подобной основой *Смола* «поле», *Смольняки* «поле і балота», *Смолянка* «поле і сенажаць» [2, с. 224], *Осмола* «балота» [2, с. 169]. Заслуживает внимания попытка С. Роспонда связать название города *Смоленск* со славянской сербохорватским апеллятивом *смоница* ← **смольница* (основой **smol-* «вид почвы», «черная, болотистая земля») [7, с. 24]. Существует ряд древнерусских антропонимов от ономатоосновы *Смол-* [3, с. 160], но связь анализируемого ойконима с ними маловероятна.

Ойконим *Углич*, *Угличу*, *Углич* возник из названия изгиба (угла), который в этом месте делает Волга [9, с. 145]. Слово *угол* как апеллятив широко известно в Беларуси: *вугал* «часть суши, вдающаяся углом в болотистое место или сеножать», *вугол* «место, где межи поля делают прямой угол», *вуглы* «тип поселения без улицы, когда дворы редко разбросаны по краю поля» [10, с. 38]. В Беларуси также существуют топонимы, образованные от этого апеллятива: микротопонимы *Угалец* «лес возле болота», *Углы* «поле», *Углы*, *Угол* «урочищча», *Вугал* «поле и пастбище», «сеножать, окруженная рекой», *Вуглы* «поле» [2, с. 46, 240], ойконимы *Углы* (*Вуглы*), села Брагинского, Докшицкого, Наровлянского и других районов, *Угляны* (*Вугляны*), села Березовского и других районов, *Уголец* (*Вугалец*), село Пуховичского района, *Угольцы* (*Вугольцы*), село Докшицкого района [1, с. 382].

Первоначальной формой топонимов *Брянск*, *Бранск*, *Бранско*, *к Брянску*, *ко Брянску*, *на Брянскъ*, *к Брянску*, *до Брянска*, *до Бранска Шверского*, *Бранска Шверскаго*; *Бранско*, *Bransk* (город в Подляшье) является *Дѣбрянскъ*, *Дѣбрянск*, *Дебрянскъ*, о чем свидетельствует вариативность названия князей в летописи: «А князь Романъ дебрянскыи ту бѣ», «...князь брянскыи...» [6, с. 52]. Анализируемый топоним происходит от древнерусского апеллятива *дѣбрь*, *дѣбрь*, *дѣбрь*, *дебрь* «горный склон, ущелье; долина, поросшая лесом, лес; поток», русского *дебри* «места, заросшие непроходимым, густым лесом», украинского *дѣбрь* «дѣбрь», *дѣбра*, *дѣбре* «глубокий овраг, поросший лесом», *дѣбра*, *дѣбря* «заросший склон горы» [3, с. 58], белорусского *дзѣбра* «долина между холмами, поросшая лесом» [10, с. 58], образованных от праславянской основы **dъbrь* [3, с. 29]. Начальное *дъ-*, *де-* было утрачено в результате невозможности сочетания двух звонких взрывных в начале слова в русском языке. Определение *Северский* использовалось для отличия двух городов с одинаковым названием.

Название в *Блггороде*, *под Белым городом*, *под Бллым городом*, *rot Białem zamkiem*, *Белгород*, *у Белегородѣ* происходит от праславянского **belъgordъ*. Топонимы от этого архетипа для обозначения городских поселений встречаются во всех славянских ареалах: сербские *Beógrad*, *Biógrad* (*Белград*), город в Чехии *Bélohrad*, в Румынии *Bialogard*, *Bălgrad*, в Хорватии *Biograd na moru*. Первоначальное значение названия не вполне ясно. Существует три возможности его объяснения. Согласно одному из них (П. Скок) отмечается связь названия с водой, поскольку все населенные пункты с названием **belъgordъ* локализуются у воды. Другая версия указывает на возможность объяснения первого элемента *belъ* в фольклорном значении «белый», «прекрасный». И, наконец, в третьем истолковании слово *белый* наделяется цветовым или пространственным значением (слово *белый* могло означать также «западный») [3, с. 35].

Второй элемент *городъ* происходит от праславянского **gordъ* (Городок, Городец).

Наиболее вероятными представляются последние два объяснения, которые можно рассматривать как достоверные. Таким образом, название *Белгород* толкуется как «белый, прекрасный город».

В белорусско-литовских летописях топонимы отапеллятивного происхождения составляют 15,9 %, значительная их часть относится к территории России. Этимология российских топонимов представлена несколькими вариантами, каждый из которых сохраняет свое значение для филологического и исторического дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Мн: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974. – 448 с.
2. Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / АН БССР, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа; Пад рэд. М. В. Бірылы, Ю. Ф. Мацкевіча. – Мн.: Навука і тэхніка, 1974. – 328 с.
3. Нерознак, В. П. Названия древнерусских городов / В. П. Нерознак. – М.: Наука, 1983. – 207 с.
4. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь / В. А. Никонов. – М.: Мысль, 1966. – 509 с.
5. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1975. – Т. 32. – 235 с.
6. Полное собрание русских летописей. – М.: Наука, 1980. – Т. 35. – 308 с.
7. Роспонд, С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов. Пер. с польск. В. П. Нерознака / С. Роспонд // Восточнославянская ономастика. – М.: Наука, 1972. – С. 9-89.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1971. – Т. 3. – 827 с.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / М. Фасмер. – М.: Прогресс, 1973. – Т. 4. – 855 с.
10. Яшкін, І. Я. Беларускія геаграфічныя назвы: Тапаграфія. Гідралогія / І. Я. Яшкін. – Мн., 1971. – 256 с.